

Ж.Т. Тощенко, член-корреспондент РАН

Функциональная неграмотность как проблема современного образования

«...Приблизительность овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат, о чем-то знают,
в общем - сеют, в среднем – стригут,
приблизительно объясняют,
относительно берегут».

Р.И. Рождественский (1932-1994), советский,
русский поэт

Современное общество добилось поразительных успехов в освоении мира: прорыв в космос, познание тайн микромира, освоение новых (авангардных, высоких) технологий, создание неведомых природе материалов, применение искусственного интеллекта, использование робототехники и много других достижений, свидетельствующих о возможностях интеллектуального потенциала.

Наряду с наукой этим успехам во многом способствовало образование, его развитие и совершенствование, вовлечение в сферу его влияния огромного количества населения. Если привести данные об уровне образования в современной России, то они впечатляют: 32,4 % взрослого населения (25 -64 лет) имеют высшее образование, а среди людей в возрасте 25-34 лет — 39,5 % (Образование в цифрах: 2023)

Однако в настоящее время в этом пути массовизации как высшего, так в известной мере и других уровней образования ***сформировался парадокс, который заключается в том, что наряду с ростом числа образованного населения возникла специфическая проблема - функциональная неграмотность***, т. е. численность людей, не обладающих грамотностью в современном смысле этого слова.

Это в свое время заметил А.Солженицин в эссе «Образованщина», что, по его мнению, означает не что иное, как только видимость образования, видимость культуры без внутреннего содержания, т.е. без культуры внутренней, а также ложная образованность, ложная культура, ложная интеллигентность

В вынесенных в эпиграф ярких, образных словах выражена и боль, и тревога, и предостережение - на нас надвигается слабо осознаваемая угроза возможной потери жизнеспособности общества и его перспектив устоять перед вызовами современности. И угроза эта - непрофессионализм, незнание и полужнание, знание без нравственности, знание без общей культуры.

Можно привести в доказательство этого тезиса статистические и социологические данные, многочисленные примеры, высказывания лучших умов страны и мира, напомнить

исторический опыт. Но думаю, что в данном случае поэтический образ выглядит нагляднее, убедительнее, доказательнее. В словах поэта - и предостережение от равнодушия, и страстная убежденность в том, что все дела в мире, все наши просчеты и недоработки зависят не от каких-то злобных, порой мифических сил, а прежде всего от нас самих, нашей позиции, нашего отношения, от нашего мастерства (недаром стихотворение поэт назвал «О мастерах») и от нашей установки вершить добро или зло или внемлить им равнодушно и отчужденно.

Но в то же время мы не можем закрывать глаза на получивший все большее распространение стиль жизни, когда ее целью становились удовлетворение утилитарных, а не духовных потребностей, связанных с внешним, зачастую ложным блеском возможностей иметь в личном распоряжении престижные товары, обладать мишурой домашней утвари и обстановки, гордиться достижением примитивных целей.

Одна из причин этих изъянов и испытаний кроется не столько в тех внешне впечатляющих изменениях, которые происходят при обучении, сколько в тех сдвигах, которые привели к изменению позиций людей по отношению к образованию, его социальным функциям и возникновению нового класса противоречий, ставящих под сомнение достижения современного общества в целом. По сути дела, *общество в эпоху происходящей промышленной и информационной революций столкнулось с колоссальным парадоксом - увеличение числа получивших образование одновременно сопровождалось процессом роста профессиональной неграмотности (но особого вида) и профессиональной некомпетентности, не умения мыслить и соединять научные знания и практический опыт.*

Следует напомнить, что долгое время грамотность, образованность трактовались как соединение искусства письма и чтения. Все, кто не отвечал этому требованию, считались неграмотными. Такая трактовка неграмотности продержалась не только XIX, но и почти весь XX век. Даже еще в 1958 г. ЮНЕСКО определяло неграмотного как «человека, не владеющего чтением и письмом настолько, чтобы понимать простые и краткие сообщения, касающиеся его повседневной жизни». Но постепенно трактовка грамотности (неграмотности) расширялась, уточнялась и стала включать в себя степень усвоения речевой и аудиовизуальной культуры. Под влиянием новых технологических и технических преобразований *в конце 1970 - начале 1980 гг. в обиход вошло новое понятие - функциональная неграмотность как неспособность осуществлять действия не только по чтению, письму и счету, необходимые для соответствующей жизнедеятельности и развития как самого человека, так и всего его социального окружения, но и в неумении применять инструкции, находить и использовать нужную в деятельности информацию.* Понятие появилось в 90-е годы XX века. По мнению Т.

Д. Жуковой, президента Ассоциации школьных библиотек России, именно функциональная неграмотность является причиной многих техногенных катастроф (Жукова, 2006). Иначе говоря, современное представление о неграмотности включает в себя не только неумение читать (воспринимать информацию), писать (передавать свои мысли, расширять круг коммуникативного взаимодействия), говорить (способность к речевому общению и речевому самовыражению), но, что особенно важно, обеспечивать способность к социальной ориентации и социальной саморегуляции. В этой связи появилась необходимость говорить не просто о (не)грамотности, а о функциональной неграмотности, *за которой скрывается полужнание, эрзац-знание, ложное знание или знание-фантом.*

В чем оно конкретно проявляется?

Во-первых, функциональная неграмотность нередко выступает в виде *образовательной агнозии*, что означает нарушение механизмов восприятия, связанное с вытеснением непосредственного, “наивного” знания о предмете некоторым набором заученных понятий. Этот термин был введен в 1994 г. М. Личем и Д. Богеном, частично использовался Х. Саксом (Lynch, Bogen, 1994: 70-71; Sacks, 1992: 83). По их мнению, студенты представляют лишь среду для ее распространения. Группой повышенного риска являются преподаватели дисциплин, не имеющие явно выраженной научной специализации. Воспитанные на плохо переведенных зарубежных источниках, получающие информацию из скомпилированных учебников, они берутся за прочтение любых предлагаемых курсов, что приводит к абсолютной дезориентации в профессиональной среде (Подробнее см.: Тощенко, 2008:41-44). Эта запущенная форма «заболевания» сопровождается созданием некоей общей картины мира, никак не соотносимой с реальностью. И попытка конкретизировать и воплотить в реальность предлагаемые схемы, структуры, модели и прочие «изобретения» завершается как в анекдоте о сове и мышонке, которому сова посоветовала для защиты себя о неприятностей и угроз превратиться в ежика, а на вопрос, как это сделать, прозвучал ответ: «Я занимаюсь стратегическими вопросами, а не всякой мелочевкой» (см. например, Семашко, 2001:20-28).

Если при образовательной агнозии полностью игнорируется непосредственное, эмпирическое, повседневное знание, то есть другая его крайность — *неумение связать с реальной жизнью*. Практика многолетнего преподавания позволяет утверждать, что немалое количество студентов, добросовестно проштудировавших учебники, справочники, энциклопедии, а в настоящее время и информацию из Интернета, достаточно и/или сравнительно полно воспроизводят общую характеристику их или иных теорий, процессов и явлений, но впадают в полный ступор при попытке ответить на вопрос — а как это проявляется в реальной жизни, в той окружающей их действительности, в которой они живут. Иначе говоря

выстраивается полный или почти полный разрыв между прочитанной информацией и умением ее закрепить в своем сознании для возможного дальнейшего использования. Эта ситуация создает *эффект краткосрочной памяти*, более или менее удобной для ответа в процессе учебы или для сдачи экзамена или зачета. В дальнейшем эта информация не закрепляется в сознании человека, забывается, выветривается, не оставляя следов и не обогащая культурно-познавательный потенциал человека.

В России в целом растет доля учащихся, которые не достигают необходимого минимума функциональной грамотности. Эксперты единодушны в том, что таким подросткам в будущем будет сложно приспособиться к жизни в современном мире. В 2018 г. почти треть всех учащихся не достигли минимального порога хотя бы по одному из видов грамотности: читательской, математической или естественнонаучной. Неграмотных по всем трем предметным областям стало 12%. (Основные результаты ... : 2019:10).

Функциональная неграмотность проявляется и в так называемом *клиповом сознании* (от англ. clip, «фрагмент текста», «вырезка»). Корни термина лежат в понятии «клиповой культуры», которое ввел социолог Э. Тоффлер в своей работе «Третья волна» в 1980 г. Первоначально термин «клиповое мышление» означал способность человека воспринимать мир через короткие яркие образы и послания теленовостей или видеоклипов. В современном значении — это тип мышления, при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, короткими кусками и яркими образами, не может сосредоточиться и постоянно перескакивает с одного на другое. Таким людям крайне сложно читать или работать над большими текстами, особенно книгами, смотреть длинные видеосюжеты и фильмы. Клиповое мышление противопоставляют системному: тому, которое помогает глубоко погружаться и всесторонне анализировать информацию, выполняя все операции последовательно. Оно формирует невозможность логично изложить то, что прочитано, услышано и даже увидено.

Социально-психологические исследования показывают, что около 10% молодых людей имеют специфические проблемы с пониманием прочитанного. У многих из них проблемы с чтением впервые выявляются примерно в 7-8 лет, хотя они могут проявиться позже, когда ожидается, что он будут анализировать более сложные тексты. У них возникает нарушение понимания прочитанного, если у него есть любой из следующих признаков: проблемы с базовыми навыками чтения, такими как распознавание слов; трудности с пониманием важных идей, содержащихся в прочитанном тексте; затруднение и/или непонимание алгоритма при выполнении заданий и даже проблемы с запоминанием существенных деталей прочитанного.

В век огромного потока информации возникают сложности и трудности *выявления смысла и понимания содержания* прочитанного и услышанного. В результате выявляется неспособность выделить главное в этом потоке, понять его и затем изложить его в процессе обучения или применить в профессиональной деятельности на своем рабочем месте. Если

ранее ослабить это непонимание можно было посредством классической библиографической помощи, то в современных условиях этот вид работы такой недостаток может компенсировать в незначительной степени.

Функциональная неграмотность проявляется в таком удивительном факте, когда люди заменяют поиск средств решения проблемы не на пути сопоставления реальных возможностей добиться желаемой или рекомендуемой цели, а произвольным набором пожеланий, пусть даже искренних, но нередко никак не связанных с существующей действительностью. Тогда идет злоупотребление такими словами как «должно», «необходимо», «следует», которые построены на мире директивного мышления или иллюзий и мечты, и не потому что они неверны, а потому, что на них нет ответа на: каким образом это осуществить, кто это будет осуществлять, за счет чего это будет достигнуто. Как следствие, проявляется эффект маленького или большого Обломова. Оперирование категориями долженствования часто делает человека бесполезным для понимания и применения предлагаемых путей и способов решения конкретных проблем в тесной связи с наличием области свободы, обладанием технических, финансово-экономических и человеческих ресурсов

К этому стоит добавить и такое суждение.

Функциональная неграмотность - это не столько отсутствие любой общеобразовательной подготовки, сколько *неумение и неспособность решать повседневные практические задачи* — написать заявление, заполнить документы, касающиеся повседневной жизни, уметь объяснить другому лицу суть желаемого или рекомендуемого. В России функционально неграмотных людей, как показывают социологические исследования, немало. Среди людей старшего возраста их насчитывается от 15 до 33% в зависимости от профессии, места жительства и некоторых других жизненных обстоятельств. Но страну ждет новая волна полной функциональной неграмотности: сейчас по экспертным данным до 2 млн. детей не посещают школу, не учатся. К этому добавим и то, что с 90-х годов в России началось снижение грамотности населения. По данным PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study), проводившегося в 2021 г., среди 15-летних российских школьников 22% не достигли порогового второго уровня читательской грамотности.

А отдельные эксперименты показывают, что даже у студентов вузов есть сложности с пониманием прочитанного, что помимо выше указанного необходимо признать, что есть необучаемые, к которым относится контингент студентов, не способных (или не желающих) к учёбе. Из материалов интервью с преподавателями, сотрудниками и студентами вузов, было выявлены следующие группы «необучаемости». Первую группы составляют те, кто не способен освоить университетские программы из-за низкого уровня школьной подготовки. Уже в середине 2000-х гг. сформировался контингент студентов, которым всё равно как и где

учиться. По приблизительным оценкам, доля таких студентов в эти годы достигала 15%. Вторую группу образуют те, кто использует университет как площадку для реализации других целей. Многие абитуриенты, успешные, например, в спорте, сразу зачисляются в университеты не для того, чтобы учиться. Их задача – побеждать на соревнованиях и творческих конкурсах, участвовать в Универсиаде и КВН, повышать репутацию вуза и его узнаваемость, популяризировать бренд, делать ему рекламу. В условиях жёсткой конкуренции и рейтингования вузов эта функция очень важна для университета. Но какова ценность этих студентов для будущей работы? Вопрос остается открытым. К третьей группе отнесем не только интеллектуально, но и умственно ограниченных и даже психически неуравновешенных студентов, которые не могут освоить и принять правила и требования университетского уровня. В зависимости от вуза численность этой группы различна, но показателен сам факт всё большего присутствия их в студенческой среде (Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015: 86-93).

Именно эти три группы образуют тот показатель, который приводит к такому выводу, полученный социологами РГГУ: по данным анализа 118 вузов России установлено, что заканчивают университеты только от 65-75% поступивших на учебу (в зависимости от профиля вуза).

К этому стоит добавить и такой факт. По данным ряда исследований, около четверти жителей России - от 22 до 25% - не владеют функциональным чтением. Потеря этих навыков начинается в детстве, затем накапливается в среднем возрасте, когда эту проблему решить становится почти невозможно.

В 2003 г. Международный институт чтения провёл исследование по качеству чтения и функциональной грамотности, в котором учащиеся России заняли 32-е место из 40 стран. Сегодня в России лишь каждый третий выпускник 11-х классов понимает содержание научных и литературных текстов. Это явление вызвано организацией образования и учебными программами, направленными не на понимание прочитанного, а на звуковое или визуальное воспроизведение (Ясюкова, 2015: 79—80).

И наконец неграмотность выступает одним из индикаторов несвободы человека в его взаимодействии с окружающим его миром. И здесь мы сталкиваемся с одним из удивительнейших парадоксов: желание знать - это готовность принять свободу «с открытыми глазами», следствием чего является расставание с внутренней гармонией. Именно современный мир подвергает сомнению девиз Н.Г.Чернышевского к роману «Что делать»: «будем учиться - и знание освободит нас».

Особенно тревожит функциональная неграмотность людей с высшим образованием, хотя, конечно, этот феномен среди них имеет свои особенности, свои особые формы проявления. Неграмотность данной категории лиц проявляется в том, что они не умеют общаться с окружающим миром посредством письменной (а иногда и устной) речи, не умеют излагать свои мысли и идеи в статье, в научном докладе, в обзоре, в рецензии, составить деловую бумагу.

Все это позволяет утверждать, что функциональная неграмотность выступает как симптом социального кризиса, как знак надвигающегося бедствия, сравнимого с экологическими и техногенными потрясениями, в эпицентре которого находится человек.

Литература

Денисова-Шмидт Е. В., Леонтьева Э. О. Категория “необучаемых” студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 86-93.

Жукова Т. Д. Функциональная неграмотность — чума XXI века. //Независимая газета, 2006, 10 марта

Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л.М. Гохберг, О. К. Озерова и др. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

Основные результаты российских учащихся в международном исследовании читательской, математической и естественнонаучной грамотности PISA–2018 и их интерпретация / Адамович К. А., Капуза А. В., Захаров А. Б., Фруммин И. Д. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 28 с.

Семашко Л.М. Тетрасоциология – социология четырех измерений. К постановке проблемы // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 20-28.

Тощенко Ж.Т. Образование и «образованщина» //Парадоксальный человек. М. ЮНИТИ-Дана, 2008. с 426-444.

Ясюкова Л. Неграмотность — почему? // Наука и жизнь. — 2015. — № 6. — С. 79—80.

Lynch M., Bogen D. Harvey Sacks’s primitive natural science // Theory, Culture & Society. 1994. Vol. 11. P. 70-71.

Sacks H. Lectures on conversation. Vol. 1 / Ed. by G. Jefferson. Oxford: Blackwell, 1992. P. 83.